

Воскресенье, 21-го ноября 1904 года.

Декабристы въ Забайкальѣ.

II. Пребываніе въ Петровскомъ заводѣ.

Въ первый же годъ по прибытіи декабристовъ въ Читѣ, изъ Петербурга были посланы инженерный штабъ-офицеръ съ помощниками въ Петровский желѣзнодорожный заводъ, чтобы тамъ выстроить огромную тюрьму для декабристовъ, по образцу американскихъ исправительныхъ домовъ. Постройка этой тюрьмы была окончена въ 1830 г. и командантъ Лепарскій получилъ приказаніе переселить туда декабристовъ. Переводимыхъ раздѣляли на два отряда для предосторожности и въ виду того, что по дорогѣ были плохіе и тѣсныя

годно посѣщавшей постройку, не представлялъ своему начальству всю несообразность такого лишенія дневного свѣта, послѣ того какъ декабристы четыре года въ Сибири не были лишены его? Лепарскій разъяснилъ, что планъ тюрьмы былъ утвержденъ въ Петербургѣ и что онъ считалъ неудобнымъ хлопотать отъ себя объ измененіи его. Тогда жены декабристовъ краснорѣчиво принесли описывать своимъ родственникамъ и знакомымъ въ Петербургѣ всю тяжесть наказанія лишеніемъ свѣта, а командантъ Лепарскій съ своей стороны представилъ начальству, какія дурныя послѣдствія на здоровье и душевное состояніе узниковъ могутъ имѣть темныя камеры. Все это имѣло свое воодѣяніе и весною 1831 г. въ каждой камерѣ было прорублено окно въ сажень длины и четыре вершка ширины.

Работы въ Петровской тюрьмѣ были такіе же, какъ и въ Читѣ: лѣтомъ исправляли дороги, работали въ огородахъ, а зимой на ручной мельницѣ. Въ свободные часы занимались чтеніемъ, и бесѣдами. Декабристы Ф. В. Вольфъ и А. З. Муравьевъ занимались медициной; они лечили не только своихъ товарищей, но пациентами ихъ были командантъ, многие заводскіе чиновники и рабочіе; призывали даже изъ дальнихъ мѣстъ. Также, какъ и въ Читинскомъ острогѣ, декабристы имѣли здѣсь столарную мастерскую, гдѣ работали шафры, комоды, столы и т. п.

Въ Петровской тюрьмѣ женатымъ декабристамъ разрѣшили помѣститься въ своихъ камерахъ жены, т. что женатые помѣстились совсѣмъ по семейному (нельзя было только почевать въ тюрьмѣ съ дѣтьми, а потому кн. Трубецкая и А. Г. Муравьева, у которыхъ были маленькія дѣвочки, уходили на ночь въ свои квартиры недалеко отъ тюрьмы). Каждый устраивалъ свою камеру какъ хотѣлъ и могъ. Особенно оригинально была убрана камера декабриста М. С. Лунина. Луинъ жилъ особнякомъ отъ всѣхъ декабристовъ своею особою жизнью, не принималъ участія въ ихъ общей артели, часто постился по обрядамъ католической церкви, въ которую перешелъ уже давно, бывши на свободѣ. Третья часть камеры М. С. Лунина была отдѣлена занавѣсью (онъ жилъ въ совершенно темной камерѣ, гдѣ нельзя было прорубить окна, потому что къ наружной стѣнѣ ея была пристроена караульная); за занавѣсью была помѣстность, на которой стояло большое раскладное, присланное изъ Рима, гдѣ оно было освѣщено самымъ папою.

М. С. Луинъ, выйдя изъ тюрьмы на поселеніе, жилъ совершенно уединенно, въ небольшомъ домикѣ, обнесенномъ частокодомъ, какъ острогъ; калитка его была всегда заперта. Неожиданный обскы, отправивъ всѣхъ надвѣнныхъ бумагъ у М. С. въ Петербургъ послужили, очевидно, причиною его перевода въ окрестности Нерчинска, гдѣ онъ содержался подъ особымъ строгимъ надзоромъ; ему было уже подъ семьдесятъ лѣтъ, когда ему запретили всякую переписку даже съ сестрою. М. С. Луинъ скончался въ 1845 г. въ Якутѣ.

Съ жизнью декабристовъ въ Забайкальѣ тѣсно связана память о ихъ командантѣ Лепарскомъ.

Генералъ майоръ Лепарскій сдѣлалъ 20 лѣтъ командантомъ Сиверскаго Коно-Егерскаго полка и еще тамъ приобрѣлъ себѣ репутацію человека, который умѣетъ жить со всѣми мирно и никого не обижать. Онъ былъ вполне честный и добрый человекъ и постоянно оказывалъ декабристамъ самое участливое и заботливое отношеніе. Между прочимъ, Лепарскій много помогъ кн. Е. И. Трубецкой во время ея пребыванія въ Иркутскѣ и содѣлывалъ ея скорѣйшему свиданію съ мужемъ. Деньги и пенсали, получаемыя декабристами изъ Россіи, должны были проходить черезъ руки Лепарскаго и его канцелярію и расходоваться тамъ же, такъ какъ декабристамъ не было разрѣшено имѣть денегъ на рукахъ, — и все это исполнялось съ величайшею акуратностью и честностью. Лепарскій высказывалъ, что не желаетъ никакихъ орденговъ, награды, а желаетъ лишь возможно дальше оставаться командантомъ декабристовъ, чтобы оберегать и охранять ихъ отъ притѣвленій и отъ несправедливости. Скончался Лепарскій въ 1839 году въ Петровскомъ заводѣ и погребенъ на одномъ кладбищѣ съ А. Г. Муравьевой и декабристомъ Горбачевскимъ.

Въ заключеніе надо сказать, что изъ декабристовъ, бывшихъ въ Забайкальѣ, тамъ умерли

очень немногіе. Еще изъ Читинскаго острога декабристы, отбывшіе свой срокъ, отправлялись на поселеніе въ различные мѣста Сибири; затѣмъ изъ Петровской тюрьмы также нѣсколько человекъ уѣхало на поселеніе частью въ предѣлы Сибири же, частью на Кавказъ; затѣмъ въ 1832 году по случаю рожденія великаго князя Михаила Николаевича значительно былъ сдвинутъ срокъ всѣмъ декабристамъ и Петровская тюрьма начала пустѣть.

Въ Забайкальѣ были похоронены декабристы: Шишковъ, Пестовъ, Андреевичъ, Луинъ, Торимъ, Глѣбовъ, Бестужевъ, Кохельбергъ, Горбачевскій. Изъ женъ декабристовъ въ Забайкальѣ скончались А. Г. Муравьева въ Петровскомъ заводѣ, а Е. И. Трубецкая скончалась въ Иркутскѣ.

Е. Г.—ва.

Княгиня Екатерина Ивановна Трубецкая *) († 1854 г.).

пожизненія. Первую партію подъ надзоромъ коноводныхъ солдатъ и казаковъ велъ Лепарскій, племянникъ командантъ Лепарскаго, вторую партію — сопровождалъ самъ командантъ. Декабристы, за исключеніемъ больныхъ и слабосильныхъ, которыхъ разрѣшено было ѣхать, совершили этотъ переходъ отъ Читы до Петровскаго завода пѣшкомъ. Первая партія вышла 4-го августа 1830 г., вторая на другой день и достигли Петров. завода 22 сентября.

Петровская тюрьма представляла огромное строеніе на высокомъ каменномъ фундаментѣ изъ трехъ фасадовъ, изъ которыхъ передній или главный фасадъ былъ вдвое длиннѣе боковыхъ, наружныя стѣны всѣхъ оконъ и только въ серединѣ передняго фасада было нѣсколько оконъ, у выдававшейся пристройки, гдѣ была кухня, тауптахта и входъ. Садъ шелъ высокой частоколь; такой же частоколь раздѣлялъ весь огромный внутренний дворъ на 7 отдѣльныхъ дворовъ; каждый дворъ имѣлъ свои собственные ворота и крыльцо и съ входящими въ него камерами составлялъ отдѣленіе. Въ каждое отдѣленіе помѣстили по пяти и по 6 арестантовъ. Крыльца вели въ свѣтлый коридоръ шириною въ 4 аршина, изъ котораго вели двери въ отдѣльныя камеры; каждая камера была въ 7 арш. длины и въ 6 ширины, камеры эти были почти совершенно темныя, т. е. освѣщались изъ коридора черезъ окно, прорубленное надъ дверью и забитое желѣзною рѣшеткой. Величественныя темныя, въ камерахъ было невозможно не только читать, но трудно было даже разобирать стѣнки часовъ.

Декабристы были непріятно поражены этимъ наказаніемъ — лишеніемъ свѣта, (въ Читинскомъ острогѣ хоть было и тѣсно, но свѣтло) — и потому командантъ Лепарскій, проходившій по отдѣленіямъ на другой день приѣзда, былъ забросанъ со стороны декабристовъ вопросами, — почему онъ, Лепарскій, хорошо знавшій планъ тюрьмы и еже-

Княгиня Марья Николаевна Волконская съ сыномъ Николаемъ. (Съ акварели Соколова 1826 г.).

Сутки на станціи.

(Рассказъ изъ путевого впечатленія).

Продолженіе, — см. иллюстр. прилож. къ № 244 „Сиб. Ж.“.

IV.

Полдень. Это ужъ и безъ великихъ часовъ можно сказать почти навѣрно: само брюхо подсказываетъ. У зрителя гости: Максимъ Филиппъ съ Анисей Петровной. Смотрительскіе апартаменты, собственно говоря одна комната съ отгороженной ширмами крошечной спальней, чистенно прибора, какъ передъ Рождествомъ или Пасхой. На одномъ столѣ, у зеркала, стоитъ подносъ съ огромнымъ графиномъ мѣстной водки и полштофомъ мѣстной же клубничной ратафии. На закуску поставлены тутъ же, рядкомъ, рыбный пирожекъ съ надрезанной въ двухъ-трехъ мѣстахъ коркой, мизерного вида и круглолобоватого фасона. Другой столъ, у ширмы, занятъ исключительно изъ всей ночи выходящимъ самоваромъ и разнокалибернымъ чайнымъ приборомъ. Особенный эффектъ производятъ на немъ — совершенно пожелтѣвшая отъ времени салфетка, связанная въ тамбуръ еще давнымъ-давно, чуть-ли даже не въ рѣдкіе невозвратнаго дѣтства — собственными руками хозяйки, и груда сладкихъ пироговъ, похожихъ на то, какъ будто изъ почтеннаго автора, разсердился на сіи въ полномъ смыслѣ невинная созданія, далъ каждому изъ нихъ по пощечинѣ, прежде чѣмъ они успѣли поковырять въ пенки. Марья Федоровна съ Анисей Петровной угадываютъ преимущественно китайской травой; ибо жидкость испиваемую ими никто не рѣшится назвать вполне чаемъ. Максимъ же Филиппъ, въздвѣвъ со зрителемъ, занимающимъ тоже преимущественно, по выраженію сего послѣдняго, „душевасительной“. Марья Федоровна пьетъ всего еще только четвертую чашку; Анисей Петровна, какъ гостя, сдѣлала уже значительный преферансъ

*) Портретъ княгини Трубецкой изъ холстовъ вѣрастѣ Рязанца не имѣла возможности достать.

против нея. Смотритель еще только по пятой прошелся; а уж Максимъ Филиппъ, тоже как гость, собирается „клаюнуть“ седьмую. Физиономія смотрителя на первый взгляд ничѣмъ, особенно не отличается, развѣ-что только продолговатымъ карбофевиднымъ носомъ подозрительной красоты; при дальнѣйшемъ же обозрѣнн, на ней открываются икаторыя достоинства, впрочемъ, больше археологическаго свойства. Марья Федоровна—женщина въ полномъ соку такъ-называемаго „бабыго лѣта“. Гости не описываются,—изъ приличія къ гостямъ вообще. У того и другого стола ждетъ бесѣда; бесѣда идетъ въ одиночку, то въ разсыпную.

Семенчу:—Давай, говоритъ, помянемъ женами-то! Моя-то, говоритъ, очень ужъ сухопарая, а твоя какъ-разъ поповская.—Шутитъ, значить. Мой-отъ грѣховодникъ туда же,—соглашается. А и это, знаете, снукъ, смѣюсь да и говорю батюшкѣ-то:—я, молъ, батюшка, къ попойной жизни не приучена; такъ трудно вамъ со мной будетъ сладить.—Просто, знаете, для смѣху это сказала. Попаля-то и припи на свой счетъ,—покарибля васъ.—Конечно, говоритъ, хоть мы съ Прокоемъ Васильичемъ голодомъ и не сидимъ, а все же намъ не слѣдъ накануне Покрова на вечеркахъ съ мужиками плясать.—Меня, знаете, это такъ и взорвало.—Про кого, говорю, въ это гово-

— Максиму Филиппу дай Господи...
— Ты-и! — не разобдирайвай, а пей!
— Будьте-ко здорони!

Послѣ принятія кругологовской ратафи, у Анисы Петровны остается на зѣнѣ, по крайней мѣрѣ въ продолженн пяти минутъ, именно то самое выражене, какое приняло оно въ первый моментъ этой трудной операци. Тяжъ не менѣе, она становится какъ-то сообщительнѣе послѣ этого; говоритъ больше шопоткомъ,—благодаря-тебѣ на счетъ близняго. Стулья подъ смотрителемъ и почтосодержателемъ тоже что-то ужъ очень интимно сближаются, точно сто лѣтъ не выдвигались.

— Да ты, лысал борода, у меня не финты! Николай Семенчу да Николай Семенчу! Николай Семенчу, теперь наше благородіе,—понимаешь ты это?

Бульсъ, бульсъ, бульсъ, бульсъ.
— Почему-и! — не понять, ваше... благородіе...
— То-о-то!
— Завсегда-и! — съ нашимъ почтеніемъ...
— А вѣдь ты, братъ—свинья! я тебѣ скажу.
— Кажись... супротивъ вашего благородія-и! — вина за нами... итѣ-съ...
— То-то! Ты вотъ, собачій ты сынъ, небось, не можъ на питику то сегодня разошедяться?..
— Не хватило-и! — значить...
— Знаю я, братъ, какъ у тебя не хватаетъ-то. Самое это плевое дѣло для тебя.
— Што-жъ это мы-и! — и доложить могимъ, Хоша... таперъ извольте... получать,—не постоимъ-и! — для вашего... благородія.
— То-о-то!

Бульсъ, бульсъ, бульсъ, бульсъ.
Обоводная винава, безвольная передача двухъ рублей и цѣлованіе.

— Любо я тебя, свинью за это: не постоимъ, говорить,— и не постоитъ! А все-таки, ты значить—собачій сынъ выходишь!
— Это-жъ какъ-съ!
— Да та-акъ! Яншини давеча ко мнѣ приходили: начальство, говорятъ, поздравитъ пришли съ монаршей милостью,—четвертая-та въ тутъ и въ пору пришлась... Потерялъ, небось, смѣлку-то?

— И это все-и! — оборудовать можемъ-съ...
— Мнѣ теперь контора что! Плавать я на нее хочу, на контору-то твою! — ты это понимаи...
— Мать-то, готъ, у нея на почтовомъ дворѣ бѣже стирала; сама-та, говорить, въ одной вагоннѣ и замужъ-отъ вышла... Отецъ-то, готъ, се какъ сивую кобылу купчишцемъ дравъ; она, молъ, отъ него все къ почтальоникамъ бѣжала прятаться... И всякая, то истъ, гадости она мнѣ про вась расписывала.

Видъ Петровскаго завода времямъ декабристовъ (съ гравюры того времени)

— Я это говорю тебѣ, Анисья Петровна, не какъ начальница твоя, а значить, по дружбѣ больше...

— Я это очино хорошо понимаю, Марья Федоровна,—завсегда вами были довольны...

— Хотъ теперь попадая: могла бы она, кажется, поправить-то меня придти? не отвалились-бы у нея ноги-то...

— Точно што оно и вамъ теперече обидно, хотъ до кого доведись...

— Не корытна у вась поадейка-то-съ, Марья Федоровна?

— Ты, братъ, въ бабы-то разговорахъ не мѣнайся, а занимайся-ка лучше своимъ дѣломъ!

— За нами дѣло, Николай Семенчу, не станетъ-съ, извольте дорожку проторить,—замело-съ...

— Видѣть ты, какъ это устривается?

Бульсъ, бульсъ, бульсъ, бульсъ; бульсъ, бульсъ, бульсъ, бульсъ,—смотритель надвываетъ дѣѣ рюмки водки.

— Таперече-съ поняль.

— То-то!

— Опять-же я, Марья Федоровна, хочу и сама перестать къ ней ходить; потому наговариваетъ она мнѣ про вась все.—Смотрительша-то ваша, говоритъ, дома личкомъ подписывается: а мнѣ, молъ, слава Богу, батюшка кушаки изъ городу возить...

— У вась, поди, и во всемъ-то домѣ лыка не найдется, бастыжал она этакал! Это точно разъ какъ-то я веревочкой обвязалась,—въ бѣзѣѣ была; не могла, знаете, вторыхъ-то кушака найти; а у меня булки въ печѣ сидѣли,—вотъ она и говоритъ, бастыжал...

— Сама-та плетече она тоже не въ Богъ знаетъ въ какихъ платьишкахъ ходитъ; онучей-то я ее тоже видала.

— Эта штука-та, братъ, недешево нашему брату обходится: я вотъ до него тридцать пять лѣтъ и три мѣсяца отхватала!

— Иавѣсно, аку шепроту не скоро и выслужись.

— То-то!

Бульсъ, бульсъ, бульсъ, бульсъ; бульсъ, бульсъ, бульсъ, бульсъ.

— Она это больше по теперешней ссорѣ нашей на меня несеть...

— А я этакго, признаться скажить, и не слыхала, чево-такъ у вась вышло...

— Ка-акже!

Сказывала это онмъся Марфушка, што, молъ, попадаля нонѣче къ смотрителнѣ найшей не ходитъ—сердится; да мнѣ это и не идомѣкъ будто,—суевица я чего-то въ ту порѣ.

— Изъ пустяковъ больше, знаете... Это, видите, вотъ какъ было. Сидитъ у вась какъ-то вечеркомъ отецъ Проконий,—и она пришла. Подпили они съ муженькомъ-то моимъ; а вѣдь батюшка-то шутникъ такой,—вотъ онъ и говоритъ Николаю

рите, матушка!—Да про вась же, говоритъ, и говорю.—Гдѣ же это, говорю, вы меня на вечеркахъ-то видѣли?—Гдѣ бы ужъ, говоритъ, тамъ не видала, а только видѣла, хотъ и не своими глазами.—Ну, знаете, тутъ ужъ я и сама не стерѣла,—брякнула ей:—Вы, вѣдь, говорю, молодыхъ-то пономарей нахѣбниками держите; такъ они, видно, вамъ эти вѣсты и приносятъ!—Съ этого у вась и пошла ссора съ ней...

— Вабаломъна-и! — бабенка-съ!

— Ну, ты! оишь къ нимъ полезъ... Кому запрагать-то? — Очереди своей не знаешь; а еще старостой ведчають...

— Сичасъ. Дайте-и! — духъ-отъ перевести хоша...

Бульсъ, бульсъ, бульсъ, бульсъ; бульсъ, бульсъ, бульсъ, бульсъ.

— То-о-то!

— Это чего же, Анисья Петровна! съ разговорами-то я и забыла совсѣмъ тебя угостить...

Смотрительша направляется къ другому столу, беретъ у мужа рюмку, надвываетъ въ нее ратафи и подноситъ Анисѣ Петровнѣ.

— Это што же вы, Марья Федоровна, безпокоитесь-то, право! Какъ-такъ намъ ешо угощене надать: свои гости-то,—не вышдемъ.

— Выкушай-ка рюмочку.

— Ой, што вы это, Марья Федоровна! благодаримъ покорно: совсѣмъ, вѣдь, и этакго не потребляю...

— Рюмочку-то можно...

— Нѣтъ, ужъ увольте... Какъ и другаго его пьютъ, погляжу, такъ мнѣ ровно какъ тошно доспѣтъ...

— Да вѣдь это сладенькая, квасокъ...

— Вотъ те Христось, не могу!

— Нельзя же,—съ монаршей-то милостью подравитъ...

— Анисья! чаво-жь ты-и! —куражисься... Пей, коли ты добрая людица! —просить.

— Пыла, вѣдь, я эдакъ-то буду, ей Богъ...

— Съ одной-то рюмочки?—что ты это, Анисья Петровна!

— Уважь, Анисья!

— Да видно што ужъ надать уважить... Ну, Марья Федоровна! великаго вамъ благополучія, да епарьяльскаго чину поскорѣ!

— Покорно благодарю. Куда ужъ мнѣ до генеральскаго-то! хотъ бы до совѣтницы-то дожить, и то ладно.

Домъ декабриста Ивана Ивановича Горбачеваго въ Петровскомъ заводѣ.

— Это она сама, можетъ, къ семинаристамъ-то по вечерамъ бѣжала, да поповскими штанами окна по ветерамъ закрывавать, чтобъ пономаря-то у нея не видали... Приѣзаетъ вотъ ужъ батюшка-то: всѣ еѣ шавши эти на свѣжую воду выведу! Оишь вѣдь этого не любить.

— И кака же это она алаящая, я на нее поглядѣла...

— Необразованная, знаете...

— А тоже грамотная,—поди-жь ты!

— Это, вѣдь, есе пономаръ этотъ выучилъ,—ко мнѣ и письма-то читать приходила.

— А ты меня прокати! Самую, то есть, что ни на есть лучшую тройку мнѣ заложил; чтобъ, значить, ты самъ и на козлахъ сидѣлъ,—понимаешь?

— И на томъ—и! —уважимъ-съ...
— То-то! Ты думаешь, ты что? подирайсь? Ты—ямшикъ! больше ничего! вся тебѣ цѣна тутъ... Но!

Почтсодержатель приподнимается, держась за ступль.

— Для кого-ы! — тепереч... стало быть... другого; для самово-ы! — почмостера —ы! — не уважу... для теби... Миколай Семенчыч... завсегда —ы! — уважу!

Скотригель вытягивается во весь рост.
— Да ты меня, брат, не тыкай! Ты слушаю, собачий сын, что тебѣ начальство твое приказывает: — закладывая п! — шог!

Радается легкая, но звонкая пощечина.
— Но!

Почтосдержатель, шатаясь и мотая головой, улетает из комнаты.
— То-о-то!

Анисья Петровна и Марья Федоровна возмущаются.

— Очино уясъ вы, Миколай Семенчыч, обижаете муженька-то мово...

— И что это у него, у дурака, за привычка такая мерзкая: напѣется — сейчас и драться лезет! Только и затвердил: то-то да то-то! Дурака ты, такъ дурака и есть...

— Но-о!

— Да чего ты орешь-то?! — кто тебя боится-то, стелка ты этакая, прости Господи! Ъфу!

— То-о-то!

Будыкь, будыкь, будыкь, будыкь.

Марья Федоровна торопливо уводит гостю в прихожую, напощивая ей что-то. Анисья Петровна то кланяется, то головой качает. Изрѣдка слышно: «Штъ, уясъ увольте... Не могу, вотъ те Христе!» — побоялась, што есть... У васъ, воли, скоромное готовлено... Што вы! какъ авто можо!» и проч.

V.

На большой дороге, за пересту отъ станции, совершается презабавная сцена.

Подъ горой, у мостика, стоит почтовая тройка; самая что ни на есть лучшая тройка! кругологовской станции. Большой повозки пошевни опрокинуты и вьзхали передками на низенький перила. Одна пристяжная валется под коренной, а другая, вь почтительно растоянии, стоит по-брюхо вь сѣвгу. Дуга точно «унеси ты мое горе» поетъ, — такъ ее перекосило. Налѣво, вь сугробѣ, поворачивает первого чина, вь одномъ своемъ смотрительскою вицмундирѣ, карабкается руками и ногами, силась приподняться; но разбрасывает только горстями сѣвгу на ту и на другую сторону. Довь у него разинбегит. Какъ его угораздило рабить себя до крови довь, обь сѣвгу, — известно одному только Всевышнему. Собственно говоря, господина смотрителя даже и не видно; а по временамъ только какъ-то особенно — напряженно высмывается красный картофеле-

«Эка, паре, разнесло-то ее какъ!» думаетъ онъ, не узнавая, конечно, вь этомъ обезображенномъ видѣ своего грозного начальства».

Черезъ итсколко минутъ картина измѣняется. По той же самой большой дороге, вслѣдъ за обратнымъ лицомъ, идетъ кое-какъ направленная имъ та же «самая что ни на есть лучшая» кругологовская тройка. На дѣв пошевней поужелить закутаный и до костей промерзшій смотритель; а рядомъ съ нимъ Максимъ Филиппычъ, правый только для виду совершенно распухшими вожжами.

И пока эти случайные близнецы подвигаются такимъ дружескимъ образомъ къ станции, каждый

— Вотъ не спитъ, думала она, дѣлать то нечего, никакой работы ни заботы нѣтъ, полуношничать, керосинъ жгетъ, конечно, не жалъ хозяйского добра! А завтра утромъ спать будетъ, покуда ребята не подымутся. Что ей? все готово, припасено, живетъ барыней да еще вотъ деньги каки получаетъ! Много ли время на ребятъ у ней уходитъ? Развѣ это занятія! Говоритъ, нельзя ребятъ утруждать, вредно имъ много заниматься. Знаю я, какой вредъ, просто самой лѣтъ, самой бездѣлничать хочется. У Дарьи Доримонтовны поднималась вь дувѣ злоба на учительницу за лишней керосинъ, за жалованье, за отсутствіе мелкихъ домашнихъ заботъ, за заступничество передъ

Церковь в Петровскомъ заводѣ съ могилами декабристовъ вь оградѣ.

придорожный кустъ, каждая придорожная былинка, перестовой столбъ, даже выдра на этомъ столбѣ — однимъ словомъ, все, что ни встрѣчается имъ на дорогѣ, — смотритъ и навсегда запечатлѣваетъ вь своей памяти, какъ любовно проводитъ ихъ «начальство» этотъ достопамятный день...

(Продолженіе будетъ).

Омулевскій.

По публикаціи.

(Обсужденіе — см. иллюстриров. прилож. къ № 232 «Сиб. Ж.»).

III.

Стоять конецъ ноябрю, наступилъ фидиловъ постъ. Рѣка была уже скована льдомъ, бураны устѣли навети снѣжные сугробы, ночами потряскивалъ морозъ или уныло зывалъ вь трубахъ вѣтеръ, хлалая стаями. Пароходная дѣятельность, вносившая большое оживленіе вь село Каменское, давно прекратилась, на берегу было тихо, только около хлѣбныхъ амбаровъ проявлялись окливленіе, когда привозили для смѣши вь нихъ хлѣбъ.

Самъ Смолянкинъ ухажь по дѣламъ на итсколко дней, что случалось нерѣдко, и къ Дарьѣ Доримонтовнѣ на это время переходило высшее руководство торговыми дѣлами дома: приемъ хлѣба, масла и проч., расчеты съ продавцами, покупателями, пошлагами, что вмѣстѣ съ обычными хозяйственными дѣлами требовало отъ ней усидливой дѣятельности. Дарья Доримонтовна справлялась съ этой задачей, хотя иногда по вечерамъ и чувствовала усталость. Крѣпкій здоровый сонъ за ночь одного возстановлялъ ея силы и наавтра съ раннего утра она опять бодро, энергично принималась за работу.

Вь этотъ вечеръ она однако долго не могла заснуть на своей пуховой теплой перинѣ и ворочалась съ боку на бокъ — ее одолевали «думы». Вь квартирѣ стояла тишина, ставни съ улицы были закрыты, а со двора вь окно проникалъ вь комнату мягкій душной снѣгъ. Изъ комнаты, гдѣ поужелась учительница съ дѣвочками, временами слышалась шестая переписываемой бумаги, очевидно, учительница читала или писала. Шестая этоть, раздвравшая Дарью Доримонтовну силньѣ, чѣмъ скрыть немаяминой телги. Очевидно и она могла «нервничать».

ней, Дарьей Доримонтовной, за дѣвочекъ, за привязанности ихъ къ учительницѣ Дтвей снѣхъ она начинала реновать къ Нинѣ Сибирцевой. Она замѣчала, что дѣвочки наравѣтъ съ видимой любовью къ матери побываютъ ее, не имплѣтъ откровенны съ ней, тогда какъ къ этой новой учительницѣ начинаютъ привязываться больше и больше, откровенничать съ ней, говоритъ ей правду о снѣхъ шалостяхъ, не боится наказыаній, слушаютъ ее и стараются не огорчать. Дарья Доримонтовна чувствовала, что ей лѣтъ какъ бы начинають предпочитать проводить время съ учительницей, а не съ матерью. Пока вь домѣ не было чужого вошедшаго вь составъ семья челоувѣка Дарья Доримонтовна не останавливала своего вниманія на отношеніи къ ней дтвей, все-видимому шло такъ, какъ и слѣдовало. Но когда по-сторонній челоувѣкъ поселился, вошелъ вь близкое общеніе съ дѣтми, когда къ тому же дтвѣскіе интересы сдѣлались съ его собственными, тогда Дарья Доримонтовна не могла не остановиться на формахъ проявленія къ ней и къ этому новому челоувѣку дтвѣскихъ чувствъ. Далѣе она не могла не перейти къ сравненію своей особы съ этимъ новымъ челоувѣкомъ. Съ одной стороны она считала дѣвушку наемницей, слугою, которой они — Смолянкины платять деньги и жогутъ требовать ея труда, которую они даже благодарствують, давъ возможность имѣть заработокъ, которую они жогутъ расчитать, «вычитать» изъ дому, но съ другой стороны Дарья Доримонтовна видѣла, что эта «наемница» не покорная раба, какъ Малавиюшка, которую можно обругать, угостить затрешной, коли провинится вь досадную минуту, не исполнителница приказаній, а вь своемъ учительскою дѣлѣ самостоятельная хозяйка, показавшая, что она смѣлится вь немъ больше, чѣмъ они — родители Смолянкины. Къ чтенію учительницей книгъ и получаемихъ ей на свое имя газетъ Дарья Доримонтовна относилась очень скептически, полагал, что вь свободное время отъ него бы не почитать что нибудъ объ огородахъ, хозяйствѣ или какую нибудъ занятую сказку или бивальщину, но затѣмъ же чтеніе превращать вь главное занятіе и притомъ читать какія то хоти и русскимъ языкомъ написанныя, но непонятныя книги. Совѣтъ безполезное занятіе! Но опять таки Дарья Доримонтовна не могла не понять, что вслѣдствіе этого чтенія книгъ и газетъ больше бесѣдовалъ съ учительницей, а не съ ней, хозяйкой дома, прѣзжавшій вь Каменское по служебнымъ дѣламъ городской докторъ, котораго Смолянкины пригласили къ одной своей тогда прिवоротнувшей дѣчкѣ.

Когда Смолянкины пригласили доктора къ чайному столу, за котормъ сѣдла и «учительща», то докторъ, перекинувшись итсколкими словами съ хозяйками, затѣвля разговоръ съ «учительщѣй»

Часовня Александра Григорьевны Муравьевой и памятникъ на могилѣ Анны Анненковой вь Петровскомъ заводѣ.

видный носъ его нового благородія. Достопамятный его подчиненный и собуталыникъ, Максимъ Филиппычъ, велчески старается помочь обезкураженному «начальству», но черезъ минуту подвергается и самъ той-же печальной участи. Пестрый дороженный коверъ, старая ентовая шуба, вся потерята, и шегольской баранья рукавицы торжественно устлають собою путь отъ этого рокового мѣста къ не мѣлке роковой же мостку.

Рагаторы не происходят; по мячине — силное. Впрочемъ, отъ времени до времени слышится какое-то неопредѣленное, но вь высшей степени угрюмое: «О штобъ тебѣ завидо!» и вслѣдъ затѣмъ, какъ бы вь отвѣтъ, глухо раздается изъ глубины сугроба протяжно-грозное: «То-о-то!»

Идали, шашкомъ, вьдѣтъ къ станціи обратный ямщикъ. Вьротно, заидѣвъ передъ собой ибто несомѣль обькопшеное, онъ становится на ноги вь повозкѣ, и прислонившись спиной къ накладушкѣ, одной рукой править, а другой, вь раздумьи, длинно почесываетъ себя затылкомъ.

и беседовал больше часа, как бы забыв о присутствии хозяйки. Сам Смольников ушел во двор по делам, а Дарья Дормидонтовна сидела «пень пень», хотя и прислушивалась к разговору, но не находила их интересными, а иногда признавая даже не понятными. Она все-же не могла не сознавать, что эта бедная «учительница» может вести разговор с городекиными «добронашими» людьми, а она, богатая купчиха, хлопает ушами и не представляет интереса для городского гостя.

Ворочаясь на своей постели Дарья Дормидонтовна все больше и больше сознавала, что совместная жизнь под одной кровлей становится тягостной. Она чувствовала, что чужая женщина, которой вдобавок еще платят, начинает вводить в дом новые порядки. В ее присутствии она иногда стесняется уже «задать волосенку» напроказившей дочери, стесняется иногда сказать какое нибудь, по ее мнению, правильное суждение, указать народную примету и т. п. Одним словом не стало прежней свободы действий. Или недавно, когда настал филиппов день, учительница настояла, чтобы детям давали молоко и яича, чего прежде никогда не водилось—дети в посты были постные, как и их родители. Это было недавно, когда призывал доктор. Пришлось подчиниться, так как доктор был рассказывать разные страхи, а девочки очень несоборно крикнули.

Или завела обычай гулять с детьми, бегать с ними по залу, говоря, что детям сидеть по углам и скучать вредно.

— Господи, думала Дарья Дормидонтовна, за свои-то явилла денежки да терпи отъ чужого человека!

Шелест в комнату учительницы уже прекратился, очевидно и она заснула, а Дарья Дормидонтовна все еще вертелась на перинь и чувствовала горечи, зависти, а временами и злобы не оставила ее. Наконец заснула и она.

На другой день утром приехал Смольников. Дети ласково выбежали ему навстречу, но он поздоровался с ними как-то между прочим и был видимо чьм-то встревожен. Когда Дарья Дормидонтовна, бывшая в кухне, пришла в комнату, то Смольников, поздоровавшись и задав несколько двояких вопросов, позвал жену в комнату, где стоял стол со счетами и торговыми книжками и, затворив дверь, начал вполголоса говорить ей.

— Вот что, Дарья, ты ничего здесь не слыхала?

Дарья Дормидонтовна не понимала вопроса и смотрела на мужа удивленными глазами.

— Чего не слыхала?—спросила она.

— А про меня говорят что-нибудь?

— Коли живой человек, так как про него не говорят.

— Значит ты знаешь? Кто тебе говорит?

— Да ты говори только, а то я ничего понять не могу. Что ты это ровно сам не свой?

Смольников в ответ вытащил из кармана книжечку газету, развернул ее и стал читать.

«Село Каменское. Сь проведением Сибирской жельзной дороги и развитием пароходства по Оби, село Каменское стало быстро увеличиваться и преобразиваться. В село переселились разные искатели легкой наживы, кулаки и развратники свои лаутны. У них одно на уме—возможно скорое обогащение, при чем они не стесняются в средствах. Объяты, обесы, продажа гнилого товара, обещать—все это в их глазах познательно. Как на один из таких фруктов новой каменской жизни можно указать на ижего См—на. Частенько мужички, одевшие уме хлеб и масло, почесывают затылки, товара оказываются меньше чьм они предполагали. Все эти мопенничекскй проделки проходят безнаказанно. Думают, однако, что придет время, преступление будет обнаружено и таким господам, которых вь Каменское кроме См—на найдется еще иже-сколькю, придется познаться если не сь арестантскими рогатами, то, по крайней жьр, сь обановенной тюрьмой. Надеемся, что это сообщение обратит внимание кого егдудеть.»

Смольников кивнул. Подпис под корреспонденцией не было. Дарья Дормидонтовна поняла хорошо, что прочитанное является неприятной правдой, оть которой может нездоровиться, если «кто егдудеть» действительно обратит внимание. Тюрма и арестантскй роты очень незаманчивы мьста.

Супруги начали совещаться, как быт. Смольников был еще неосторожной птицей, еще не привык к газетным обличениям и потому волновался. Оказывается, эта статейка была отпечатана в той самой газете, которую получала живя у Смольниковых, Нина Сибирцева.

— Она, значит, то же знает, а ведь ничего не сказала, подкалывала!—сь негодованием произнесла Дарья Дормидонтовна.—Да и думаю, продолжала она, сама она и писала в газету.

Могила декабриста Ивана Ивановича Горбачевского близ Петровского завода.

То-то по ночам все пишеть письма. Нет, своего вора не уберегитесь, мало ли чего при ней говорится да дьлается, все может вылезть да в газету написать, оть нея станеть! Вь Дарья Дормидонтовинь книжка збода на дьвухку. Самь Смольников такке согласился сь основательностью женинных предположений.

Станислав Романович Лепарский.

Супруги довольно долго совещались, что иня дьлать. Вь тотже день, когда Нина ушла сь дьвочками гулять, Смольников, затворив выходную дверь на крючок, отправилс вь комнату дьвухки и стал среди кучки газет отыскивать злополучей номер. Статья оказалась отчеркнутой синим карандашом, значит на нее было обращено внимание Смольником. Взять зтот номер и положить его вь кармань. Затьм Смольников стал искать перенеску учительницы и вь столик нашл начу писемь, перевязанных ленточкой. Смольник вьзял верхне писемь, написанное четким разборчивым почерком. Писемь это было оть Вьрочки Малыхь, «Дорога Нина! сталь читать Смольник, я получила уже три твоих подробных писемь. Ты пишеть, что попал вь кулацкое и торгованское царство, вь которое забьются только

о мамонь и положительно не иьбуть духовных интересов. Да дорога, тяжело жить вь такой среде, но эта среда, конечно, не забьт тебя, не можеть она заставить интеллигентного человека, а оть можеть вьлеть на нее. Вь зтом и состоить твоя ближайшая задача». Далее егдидомали кляти то не совьсем понятная разсудения. Хотя писемь было разборчиво, но иьботоры слова приходилось читать по складам; смысл их всетаки был непонятен Смольникам. Однако они хорошо поняли, что ить «учительна» немалого о них иьбл и что иьбле раздьялется ей подругой. Сомненья не было—учительна их оиьсает и надо думать просвиваеть. Сознание зтого было конечно тяжело для самолюбя Смольников. Вь чтенй чужих писемь они не видьли чего либо предосудительного. Они стремились кь чтенй узнать, не она ли, «учительна» написала вь газету, а для достижения зтой цьли по ихь мнению все средства были позволительны.

Время шло, пора была детьмь возвратиться и потому Смольники поспилили окончить разсьбдование, боясь, чтобы ихь не застали за зтым заньтием врасплохь.

— Зкая посуда, наш хлеб-соль бьт да настже писуваеть! негодовал Дарья Дормидонтовна. Негодовал и Смольник. Они такке считали верхомь неблагодарности такое отношение учительницы. Для него не было сомненья, что статью писала она.

Потому, какь только перунаст учительница, Смольники громко обрушились на нее, вь качестве обвинительного акта быль предъявлен номер сь отчеркнутой статьей. Дьвочки присутствовали при зтой бурной сцене.

— Да какь вы смьли такую ложь писать, позорить нас, честныхь людей! Статочное ли дьло, что бы я обмьривал да обьививал! Если мужики болазоть, такь какал ить вьра! Они, конечно, готовы всякую напраслину завести! кричал Смольников.

— Послушайте, вы напрасно горчитесь, хладнокровно возразила Нина, я заньла вамь, что не писала зтой статьи. Разьз дьсь кроме меня никто уже и писат не уьбеть!

— Знаю и тебя, тихоня, покулава тебя не было—ништо пакостей про нас не писала, а какь ты познилась, такь и стала про нас и писемь и газет писать, нас позорить.

— Значит вы читали мои писемь. Это уже полная нелезть, и не думала, что вы дойдете до нее!—вспынула дьвухка.—Наша дальйшая жизнь невозможна, продолжала она и воля вь свою комнату стала осматривать столик сь писемьми. Действительно на нихь были сльды чужого присутвения, ленточка была завязана не обычнымь для Нины Сибирцевой узломь.

— Сейчас же войз изь нашего дому, чтобы духу не было! крикнула Дарья Дормидонтовна, повившись вь дверь. Дьвухка сидла склонившись над столомь и заливалась слезами. Дьвочки жалсь вь уголк сь разстерянными личиками и тоже готовы были расплакаться.

— Пошли вонь отсюда! крикнула на нихь Дарья Дормидонтовна. Дети разревьлись, но исполнили влостное приказание матери и выбьжали.

Часа через два посль того со двора Смольниковых выьхала кошенка, увозя Нину Сибирцеву. Никто не вышел ее проводить, даже Маланьюшка сидла вь кухне и окна и смахивала рукавомь катившийся изь глаз слезы. Ей жаль было добрую барыню, но когда она хотьла помочь ей собираться вь дорогу, Дарья Дормидонтовна такь крикнула и топнула ногой, что Маланьюшка поспьшила скрыться вь кухню.

Глаза Нины были заплаканы. Она чувствовала всю горечь несправедливой обиды и жаль ей было дьвочек своих учениц. Бьдны, бьдны! думала она. Что изь нихь выдет!

Но вмьст сь тьмь Нина не могла не сознавать, что она теперь свободна, что дьлет кь близкимь симпатичнымь людям. Хотя она и не достигла поставленной цьли, но жизнь у Смольниковых была бы все равно невозможна.

— Не надо падать духомь, рьшила Нина и стала сльдить, какь за горизонть закатывалось зямнее солнце.

Ефремовский.

Редактор-Издатель П. Макушин.

РОЯЛИ и ПИАНИНО фабрик: Беккера, Гетце, Дидерихсь, Мюльбаха, Сидт и Шредера.

ФИСГАРМОНИИ, СКРИПКИ, ГИТАРЫ и проч.

Музыкально-инструментальная торговля П. И. Макушина вь Томскь.